

что эта реформа стала возможной именно вследствие происшедшего в империи аграрного переворота.

Не замечая революционного характера перехода Византии к новому, феодальному строю, Брейе рисует ее историю как плавное развитие римских учреждений и культуры. Он противопоставляет путь развития Византии тому, по которому шло развитие Западной Европы; там произошел полный разрыв с римскими традициями и, вследствие „варварских“ вторжений и революций, возникли „варварские“ монархии, а затем — феодальный режим, полностью противоположный в своей основе строю Римской империи. В отличие от Запада, „в Византии то же публичное и частное право, те же учреждения господствовали без перерыва на протяжении десяти веков... Все, что исчезло на Западе при соприкосновении с варварами, сохранилось в Византии: понятие государства и публичного права, города и городские классы, техника различных ремесел, искусство и науки“ (т. II, стр. 580—581). Подчеркивая эту „историческую преемственность и верность римским традициям“ (т. II, стр. 581), Брейе рассматривает византийские институты как „органическое развитие римского государства“ (т. II, стр. 582), происходившее при некотором восточном влиянии, еще бóльшей эллинизации восточной половины империи. Это влияние, по Брейе, проявилось в заимствовании с Востока отдельных характерных черт политического строя, быта и т. д.; к числу этих элементов общественного строя Византии, развившихся якобы под восточным влиянием, относятся: важное политическое значение дворцовых должностей, в значительной части замещавшихся евнухами, этикет и титулы знати (т. II, стр. 583), заточение женщин, моды, одежды, прически, ношение пышных и ярких тканей и драгоценностей, пытки, суеверия, магия, астрология и манихейская доктрина (т. III, стр. 571).

Стремление объяснить все особенности византийской экономики, политических и правовых учреждений, а также ее культуры и быта заимствованием римских или восточных элементов приводит автора к механическому и крайне упрощенному расчленению истории Византии на римские и восточные „начала“. Таким образом, крайняя методологическая беспомощность Брейе имеет своим результатом отказ от признания внутренней закономерности исторического развития. Запад, по мнению Брейе, перешел к новой фазе развития — „к феодальному режиму“, в Византии же получили дальнейшее развитие римские начала, с некоторой примесью восточных, что, однако, не привело к коренному изменению византийского общества.

В свою очередь, отказ от признания внутренней закономерности исторического процесса приводит Брейе к переоценке им значения внешних влияний: он часто считает внешнее влияние одной страны на другую решающим фактором изменения основного направления исторического развития. Автор полагает, например, что возрождением городов, ростом торговли и ремесла, быстрым развитием экономики с XI в. Западная Европа была обязана... Византии. Он пытается доказать это антиисторическое положение следующим образом: в VIII в. Византия остановила волну арабских вторжений, а в IX и X вв. она положила конец морскому разбою сарацин в двух бассейнах Средиземного моря и восстановила свободу мореплавания и морской торговли. „Результаты этого великого события, — продолжает Брейе, — не заставили себя ждать. Запад, оставшийся полуварварским, был, в известном смысле, возрожден этим восстановлением международной торговли, которое привело к образованию сети городов и крупных портов, а также к форми-